

*А.Н. ГРЕБЕНКИН, аспирант кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел. 8-919-203-62-54; angrebyonkin@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАННИКОВ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-й ПОЛОВИНЕ XIX В.

В данной статье предпринимается попытка дать обобщенный социокультурный портрет воспитанников кадетских корпусов Российской империи в первой половине XIX в. Автор характеризует происхождение, возрастной и национальный состав воспитанников. В статье делается вывод о том, что социокультурный облик воспитанников в течение 1-й половины XIX в. был достаточно стабильным.

Ключевые слова: **воспитанник, социокультурный облик, кадетский корпус.**

В первой половине XIX в. главной целью военно-учебных заведений было «юному российскому дворянству дать приличное званию сему воспитание» [4]. Кадетские корпуса и специальные училища были закрытыми сословными заведениями, в которых все воспитанники были сыновьями дворян. От поступающих в первую очередь требовалось предоставление документов, удостоверяющих их дворянское происхождение.

С 1820 г. прием малолетних воспитанников в кадетские корпуса производился по кандидатским спискам, в которые дворяне вносились для соблюдения очереди по порядку поступления просьб [15, с. 122].

Поскольку к началу 30-х гг. количество кандидатов возросло, с 1834 г. в губернские кадетские корпуса в первую очередь принимались дворяне по удостоению губернских предводителей дворянства. Их число определялось исходя из размера процентов с капитала, пожертвованного губернией. Оставшиеся вакансии по усмотрению Главного начальника военно-учебных заведений замещались: 1) сыновьями офицеров, чиновников и учителей, служивших при этих корпусах; 2) детьми генералов и офицеров поселенных войск, приписанных к этим корпусам; 3) детьми чиновников комиссариатского и провиантского ведомств, состоящих при этих войсках; 4) детьми гражданских чиновников, находящихся на действительной службе в приписанных к кадетским корпусам губерниях. Если же и после этого оставались вакантные места, то они замещались круглыми сиротами генералов, офицеров и заслуженных чиновников, даже если они не были уроженцами приписанных к корпусам губерний [17, с. 196–197].

Многим кандидатам приходилось годами ждать своей очереди. Из-за этого в классах возрастной состав воспитанников был пестрым, рядом с десятилетним мальчиком часто можно было увидеть и 14–15-летнего юношу, только что принятого в первый класс [1, с. 59]. Стремясь оградить заведения от наплыва великовозрастных кадетов, зачастую отличавшихся дурной нравственностью, правительство внесло коррективы в правила приема: в 1836 г. было запрещено зачислять в кандидаты молодых дворян, достигших 11-летнего возраста [21].

В 1845 г. все кандидатские списки были упразднены. Прием стал вестись по 26 разрядам, на которые были поделены поступающие в зависимости от служебного положения и заслуг их отцов, а также от состава семьи. Так, к первому, высшему

разряду относились сыновья военных генералов и гражданских чинов первых четырех классов, ко второму – сыновья Георгиевских кавалеров, к 3–8 разрядам – сироты, к десятому – сыновья корпусных штаб-офицеров. Сыновья «дворян не чиновных и не служивших» были помещены в низший, двадцать шестой разряд [5]. Сыновьям состоятельных дворян было предоставлено право поступать своекоштными пансионерами на особые, выделенные специально для них вакансии.

По мнению А.Н. Шевелева, в социальном составе воспитанников военно-учебных заведений можно условно выделить следующие группы.

1) Дети аристократии (т.н. «барчуки») – для элитарных корпусов в особенности, для других – в меньшей степени, но для «местной» аристократии в зависимости от региона. Данная группа количественно не была велика, ее удельный вес со временем сокращался, различия стирались, но она была всегда. «Барчуки» достаточно быстро сливались с основной массой кадет в условиях жесткой интернатской системы, иначе им просто было бы не выжить. Эта группа привносила в заведения из условий гувернерского домашнего воспитания светский лоск, безукоризненное знание французского, первые понятия о кодексе дворянской чести.

2) Основная масса воспитанников – это дети мелкого и среднего, чаще всего служилого, беспоместного дворянства, дети офицеров и чиновников, живших за счет жалованья, а не родовых поместий.

3) Разновидностью второй группы, количественно равной первой, являлись дети-сироты, родители которых погибли при исполнении служебных обязанностей или умерли, но имели заслуги перед государством. Для них военное учебное заведение также было единственным путем сделать «порядочную» карьеру [34, с. 105–106].

Самым привилегированным из военных учебных заведений, куда попадали лишь представители знатных фамилий и генеральские отпрыски, был Пажеский корпус. Он был основан в 1759 г., но как военно-учебное заведение стал функционировать с 1802 г.

Право на зачисление в пажи было предоставлено сыновьям и внукам: военных и гражданских чиновников первых трех классов; лиц, занимавших должность генерал-губернаторов, посланников, губернских предводителей дворянства (если они занимали эти должности в чине не ниже генерал-майора или действительного статского советника); генерал-майоров, убитых в боях или прослу-

живших в этом чине не менее 5 лет; наконец, правнукам лиц первых двух классов, носящих фамилию своих прадедов [9, с. 128–129].

Исключительно из элиты рекрутировались воспитанники Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Для поступления в Школу требовалось свидетельство о включении предков в Шестую часть родословной книги древнего российского дворянства или генеральский чин отца. Кроме того, семья должна была располагать материальным достатком [31, с. 161]. Последний фактор играл более весомую роль, и поэтому в Школу «стекались главным образом молодые барчата, отцы которых недалеко ушли по службе, но зато обладали порядочными, а иногда и очень значительными средствами» [25, с. 205].

Полной противоположностью аристократическим военно-учебным заведениям был Императорский Военно-сиротский дом, имевший специально благотворительное назначение. В него зачислялись дети дворянского происхождения и сыновья штаб- и обер-офицеров, которые должны были представить свидетельство о недостаточном их состоянии [8, с. 66–67]. Кроме того, кандидат не должен был быть старше 11 лет; вероисповедание значения не имело. Преимуществом при поступлении пользовались дети, «коих родители скончали дни, служа Отечеству» [28, с. 38].

В начале XIX в. благотворительные функции выполнял и Второй кадетский корпус, директором которого в 1800–1804 гг. был граф В.А. Зубов. Он принимал детей бедных дворян сверх комплекта сначала за годовую плату 200 р. в год, а затем бесплатно. В 1804 г., после смерти Зубова, сверхштатных кадет насчитывалось 212 человек, более половины штатного числа [17, с. 21]. Зачисление сирот сверх комплекта продолжалось и в 1820-е годы, причем часто против воли директора. Одно из прошений, начинавшееся мольбой о помощи: «...сей дворянин, будучи несчастный сирота, без пристанища и пропитания, просит об определении его в один из кадетских корпусов» – директор корпуса А.И. Маркевич отклонил, объяснив это тем, что «в корпусе много находится сверхкомплектных кадет». Тем не менее Главный директор Пажеского и кадетских корпусов П.П. Коновницын приказал принять сироту «по уважению к долговременной службе отца, бытию в походах и сражениях и несчастному положению малолетнего» [11, Приложение XII, с. 115].

Даже в Морской корпус в первой половине XIX в. «часто поступали дети с физическими недостатками, как, например, одноглазые, горбатые, кривобокие, заики и т.п.» [16, с. 58].

«Золотую середину» между элитными Пажеским корпусом и Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с одной стороны, и Императорским военно-сиротским домом и Дворянским полком, с другой стороны, занимало старейшее военно-учебное заведение – Первый кадетский корпус.

В 1802 г. из 77 выпускников Первого кадетского корпуса 45 были детьми дворян, 10 – детьми чиновников VIII–V классов, 14 – детьми штаб-офицеров, 5 – детьми обер-офицеров; у 4 происхождения не указано. При этом у кадет дворянского происхождения отцы, как правило, были офицерами в чинах от поручика до майора или чиновниками соответствующих классов. Один из кадет-дворян был сыном действительного тайного советника [24, л. 31–245].

Из 86 кадетов, окончивших Первый кадетский корпус в 1827 г., 54 были детьми дворян, 19 – детьми офицеров (сын генерал-майора – 1, дети штаб-офицеров – 13, дети обер-офицеров – 5), 12 – детьми чиновников. Один был «из воспитанников генерал-майора Олсуфьева» [33, л. 1 об. – 57 об.].

Как и в начале XIX в., большинство отцов-дворян были офицерами или чиновниками. Однако ввиду того, что поместья были далеко не у всех, они были вынуждены служить дольше, чем в начале правления Александра I, и были в большинстве своем штаб-офицерами или чиновниками VIII–V классов. Отставных среди них было гораздо меньше, чем в 1802 г.

У 28 из 54 кадет-дворян отцы были беспоместными. Из отцов, имевших поместья, менее 20 душ имели 3 чел., от 21 до 100 – 11, от 101 до 500 – 10, от 500 до 1000 – 2. Кадеты, чьи семьи принадлежали к мелкопоместным дворянам, таким образом, были в меньшинстве (в то время как мелкопоместные дворяне составляли в то время 53,5% всех дворян-землевладельцев). Дворян второй группы в то время было 27,8%, третьей группы – 15,3%, четвертой – 2% [13, с. 150].

Из 19 отцов-офицеров 6 владели от 4 до 100 крепостными.

В 1841 г. из 56 выпускников, произведенных в офицеры, 30 были детьми дворян, 2 – детьми генералов, 12 – сыновьями штаб-офицеров, 4 – детьми обер-офицеров, 8 – детьми чиновников. Отцы кадет – выходцев из дворянских семей, как и в конце 20-х гг., в большинстве своем были штаб-офицерами или гражданскими чиновниками соответствующих классов [18, л. 209–580].

В 1847 г. из 46 кадет-выпускников 24 были сыновьями дворян, 5 – детьми генералов, 5 – штаб-офицеров, 2 – обер-офицеров, 10 – чиновников

[19, с. 269–482]. Почти все отцы-дворяне были штаб-офицерами или чиновниками VII–V классов; двое из них были генерал-майорами; один – действительным статским советником.

Следует отметить возросший к середине XIX в. процент кадет-сирот. В 1847 г. таковых было 9 из 46.

Таким образом, в течение первой половины XIX в. социальный состав кадет претерпел незначительные изменения. Примерно 55–60% воспитанников были из дворянских семей, 15–20% – детьми генералов и штаб-офицеров, 8–12% – детьми обер-офицеров, 10–15% – детьми классовых чиновников. Подавляющее большинство отцов-дворян были офицерами или чиновниками. При этом если в начале XIX в. отцы-дворяне, имевшие офицерские чины, были преимущественно отставными обер-офицерами или майорами, то к середине XIX в. среди них лидировали штаб-офицеры и генерал-майоры.

Несмотря на законодательно установленный дворянский характер кадетских корпусов, в них все же имели возможность попасть выходцы из недворянской среды. Лишь в 1833 г. Николай I повелел «впредь принять правилом, дабы происходящие не из дворян не были определяемы в кадетские корпуса и зачисляемы кандидатами оных» [22].

Кроме того, ряд воспитанников находились в корпусах на положении не кадет, а гимназистов или же «на воспитании».

Эта традиция имела давнюю историю. Еще в 1765 г. И.И. Бецкой, разогнав команду мастеровых из солдатских детей, существовавшую при Сухопутном Шляхетном корпусе, оставил 50 человек при Корпусе на положении учеников, воспитывавшихся вместе с кадетами и предназначенных в корпусные учителя. Через 5 лет план совместного воспитания, сорванный начавшейся травлей учеников-простолюдинов благородными кадетами, провалился, и учеников изолировали от основной массы воспитанников. С 1772 г. в Сухопутном Шляхетном корпусе стали вновь обучать мещанских детей [7, с. 69]. Гимназисты учились и обедали отдельно, у них был свой угол в спальне, они носили не мундиры, а фраки и выпускались гражданскими чинами. Лучшие гимназисты становились учителями в кадетских корпусах [3, с. 244].

Гимназисты сохранились в корпусе и после преобразований Павла I, направленных на милитаризацию военного образования. В частности, их ряды в 1796 г. пополнились за счет воспитанников ликвидированного Греческого кадетского кор-

пуса, не имевших достаточных данных о своей принадлежности к дворянству.

В 1806 г. из Первого кадетского корпуса были выпущены 9 гимназистов [32, л. 1–3]. Шестеро из них пробыли в корпусе столько же, сколько и кадеты, – 12 лет, считая с 5–6-летнего возраста поступления в заведение. Как и кадеты-выпускники, гимназисты были 17–18-летнего возраста; они обучались тем же наукам, что и кадеты, кроме военных. Происхождение гимназистов было весьма пестрым: среди них были сыновья придворного священника, иностранца, умершего корпусного учителя, французского купца и даже сын парикмахера.

К 1827 г. в Первом кадетском корпусе обучались 33 воспитанника недворянского происхождения, в том числе 16 кадетов, 5 гимназистов, 10 «на воспитании» и 2 волонтера-юнкера. Они были определены в заведение по Высочайшему повелению или же по повелению великого князя Константина Павловича. Подавляющее их большинство было детьми мелких чиновников, в том числе погибших или пропавших без вести во время наводнения 1824 г., и умерших корпусных учителей [30, л. 14–17 об.]. Три кадета были сыновьями сербских чиновников, определенными в Корпус в 1821 г. [29, л. 47].

Второй кадетский корпус имел в числе своих воспитанников пятерых сыновей мелких чиновников, погибших во время наводнения 1824 г. [30, л. 4].

В военно-сиротском доме в 1827 г. числилось 32 воспитанника недворянского происхождения: 27 кадет, 4 воспитанника на казенном содержании, 1 воспитанник «для обучения и воспитания на казенном содержании, не причислен токмо в оные». Почти все они были сыновьями мелких чиновников, за исключением одного сына священника и одного представителя сословия обер-офицерских детей [30, л. 8–10].

Даже после принятия «Устава» и «Положения» о военно-учебных заведениях второго класса в 1830 г., которые не предусматривали таких категорий воспитанников, как «гимназисты» и «на воспитании», они по-прежнему продолжали обучаться в кадетских корпусах. В 1833 г. в Первом кадетском корпусе в роте Его императорского величества помимо 11 унтер-офицеров и 135 кадет состоял один человек «на воспитании» и один гимназист, во второй мушкетерской роте – два человека «на воспитании», в неранжированной роте – три человека «на воспитании» [14, л. 9–10 об.; 39–40 об.; 71–72 об.].

Если социальный состав воспитанников в течение первой половины XIX в. оставался достаточно

стабильным, то их возрастной состав, напротив, подвергся значительным изменениям. Общая тенденция заключалась в увеличении возраста поступающих в заведение, уменьшении срока пребывания в стенах заведения и увеличении возраста производства в офицерский чин.

Поскольку до 1830 г. учебная деятельность кадетских корпусов не имела четкой законодательной регламентации, порядки в заведении зависели в основном от деятельности директора, что обуславливало их уникальность для каждого корпуса. Рассмотрим организацию учебного процесса и возрастной состав воспитанников на примере Первого кадетского корпуса. Согласно «Уставу» Бецкого, кадет обязан был, поступив в возрасте 6 лет в корпус, пробыть в нем 15 лет, по три года в каждом из «возрастов», на которые был поделен учебный курс. Таким образом, в офицеры воспитанники производились в возрасте 21–22 лет. М.И. Кутузов, заняв директорский пост, разделил программу на три класса. Он считал, что кадет надо переводить из одного класса в другой и выпускать в офицеры по мере успеваемости. В 1800 г. новый директор М.И. Ламсдорф установил в Первом кадетском корпусе 7-летний срок обучения: поступая в 12 лет, кадеты выпускались офицерами в 19. Срок обучения мог быть продлен до 9 лет (за счет двукратного оставления на второй год) [10, с. 218]. Строгого разделения воспитанников по классам не было, и кадет, занимавшийся математикой в одном классе, мог состоять по другим дисциплинам двумя, а то и тремя классами выше или ниже [9, с. 20].

В 1802 г. выпускники Первого кадетского корпуса были в возрасте от 16 до 20 лет (20 лет – 1 человек, 19 лет – 7, 18 лет – 12, 17 лет – 35, 16 лет – 18). У остальных год рождения не указан.

Выпускники 1802 г. пробыли в корпусе от 13 до 6 лет, в среднем 10–11 лет. Большая часть их поступила в возрасте 5–7 лет.

Такая схема действовала долго, ибо в директорство Ф.И. Клингера (1801–1820 гг.) никаких изменений в правилах приема и организации учебного процесса не произошло. Выпускник 1805 г. И.С. Жиркевич в момент производства в офицеры не имел даже полных 16 лет, в корпусе же он находился с 1794 г. [12, с. 213]. К.К. Зенденгорст, поступивший в корпус в 1813 г. в возрасте 7 лет, был произведен в прапорщики в 1825 г. [27, с. 305 и 316].

При М.С. Перском в 1820-х гг. учебный курс был разделен на 7 классов (при этом 7-й класс был младшим, а 1-й – старшим). В 1-м классе следовало пробыть два-три года, так что срок обучения

вырос с 7 до 8–9 лет. Вследствие этого к 1827 г. несколько увеличился и возраст выпускников: 18-летних было 28; 19-летних – 31; 20-летних – 18; 21-летних – 7; 22-летних – 2.

Время пребывания в корпусе колебалось от 15 до 5 лет, в среднем составляя 9 лет. Большинство воспитанников поступали в корпус в возрасте не 5–6 лет, как ранее, а 9–10 лет.

В 1830 г. повышение возраста поступления в кадетские корпуса было закреплено в законодательстве, едином для всех кадетских корпусов [4]. Отныне в корпуса принимали детей 10–12 лет. Малолетнее отделение было закрыто, дворян-сирот в возрасте от 6 до 8 лет принимали в Александровский малолетний корпус, расположенный в Царском Селе. По Уставу 1830 г. классы кадетских корпусов делились на три отделения: нижнее, среднее и верхнее, причем каждое отделение делилось еще на три степени, а степень — на столько классов, чтобы в каждом было не более 35 воспитанников [6, с. 104]. Срок обучения составлял 9 лет, но имевшие домашнюю подготовку кандидаты могли после особого экзамена поступать сразу во 2-ю или 1-ю степень нижнего отделения или же проходить нижнее отделение за 1–2 года. Производить в офицеры дворян, не достигших 18 лет, было запрещено. Неспособные к учебе воспитанники, достигшие 16 лет, при безукоризненном их поведении выпускались в армейские полки подпрапорщиками или юнкерами. Воспитанников, оставшихся на третий год в одном и том же классе, стали увольнять из заведений [11, с. 377].

С 1836 г. срок обучения в корпусах составлял восемь лет (2 года в подготовительном классе, 4 года в общих классах и 2 года в специальных классах) [1, с. 60]. Кадеты, предназначенные к выпуску в офицеры, могли по своему желанию отказаться от производства и провести в стенах корпуса еще один год для дальнейшего образования. Совершеннолетние кадеты, неспособные к дальнейшему продолжению учения «не за дурное поведение или шалости, но только за тупостью и неспособностью к наукам», стали выпускаться не юнкерами в армию, а прапорщиками во внутреннюю стражу. За дурное поведение кадетам грозил перевод в батальоны военных кантонистов [23].

В 1841 г. согласно формулярным спискам возраст выпускников Первого кадетского корпуса по-прежнему заключался в промежутке между 18 и 23 годами. Из 62 выпускников, чей возраст был указан, 18-летних было 22, 19-летних – 14, 20-летних – 18, 21-летних – 7, 23-летних – 1.

Время пребывания в корпусе колебалось от 10 до 5 лет, в среднем составляя 7–8 лет (это объяс-

няется тем, что некоторые кадеты поступали не в подготовительный класс, а в 1-й или 2-й общий).

С 1845 г. в кадетские корпуса стали принимать воспитанников в возрасте от 9,5 до 11,5 года. В Александровский корпус и малолетнее отделение Первого Московского кадетского корпуса зачислялись дворяне 6–8 лет.

Наконец, в 1847 г. среднее время пребывания воспитанников в корпусе составляло 8–9 лет. Средний возраст выпускников равнялся 19–20 годам.

Таким образом, в течение первой половины XIX в.: 1) возраст поступающих в кадетские корпуса последовательно повышался; 2) возраст выпускников, увеличившись в течение первой четверти XIX в. с 16–17 лет до 19–20, оставался на этом уровне до конца изучаемого периода; 3) время пребывания в корпусе сократилось с 13–15 до 7–9 лет.

Однако смешение в одном и том же классе воспитанников разного возраста к середине XIX в. было преодолено далеко не во всех корпусах. Так, Второй Московский кадетский корпус в 1850 г. был укомплектован большим количеством воспитанников Александринского института, и 16–18-летние юноши были определены во второй подготовительный класс и младшие классы [26, с. 1038].

К сожалению, данные о национальной принадлежности кадет крайне скудны и фрагментарны. Сведения указывались лишь в тех случаях, когда воспитанник принадлежал к горцам или полякам. Отчасти этот пробел восполняют данные о конфессиональной принадлежности воспитанников, которые, однако, стали указываться лишь начиная с 30-х гг. XIX в.

По конфессиональной принадлежности в 1833 г. из 578 кадет Первого кадетского корпуса 468 были православными, 47 – лютеранами и 62 – католиками. Один воспитанник относился к Армянской апостольской церкви [14, с. 3–72 об.]. При этом, судя по фамилиям, кадеты-лютеране были, как правило, немцами, а католики – выходцами из Царства Польского.

В 1847 г. из 45 выпускников Первого кадетского корпуса 36 кадет были православными, 5 – лютеранами, 2 – католиками, 2 – мусульманами.

О мусульманах следует сказать особо. Как правило, это были сыновья горских князьков и крымско-татарских мурз, после произведения в офицеры назначавшиеся соответственно в полки отдельного Кавказского корпуса или в Крымско-татарский эскадрон [20]. Несмотря на присущую большинству из них старательность в учебе, кадеты-мусульмане очень редко оканчивали полный курс наук. Обычно их выпускали из корпуса по оконча-

нии общего образования; до военных наук горцы и крымцы не доходили. Право на завершение учебы они получали только в случае перехода в православие, но это случалось очень редко [2, л. 26].

В 1834 г. для упражнения состоявших во Втором кадетском корпусе малолетних горцев в разговорах на природном их языке назначен был один из офицеров лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, который должен был приходить к ним в корпус раз в неделю [11, с. 341].

В российских военных учебных заведениях обучалось много детей высокопоставленных военных противников России. Так, в 1837 г. по распоряжению Николая I в Пажеский корпус был определен Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы Нахичеванский, сын сердаря Нахичеванского, сдавшего Нахичевань Паскевичу. Вместе с ними учились сын грузинского царевича Александра, непримиримого врага России, участника русско-иранской войны 1826–1828 гг., и сын хана Мехтулинского. В 40-е гг. в Павловском кадетском корпусе вос-

питывался сын имама Шамиля Джамал-Эддин (Джамалуддин).

Титулы в корпусной среде не играли никакой роли, и тот, кто вздумал бы кичиться своим титулом, немедленно за это поплатился бы. Это было характерно даже для Пажеского корпуса, где процент титулованных воспитанников всегда был очень высок.

Подводя итоги, следует сказать, что социокультурный облик воспитанников в течение 1-й половины XIX в. изменился лишь незначительно. Социальный состав не претерпел существенных изменений; условия домашнего воспитания остались прежними. Заметно изменился лишь возрастной состав кадет за счет отказа от приема малолетних детей и резкого сокращения сроков пребывания в заведении. Однако повышение возраста поступления в корпус не оказало значительного воздействия на социокультурные процессы в кадетской среде, так как младшие воспитанники жили изолированно от старших и кадетские традиции на них не распространялись.

Библиографический список

1. Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа [Текст] / Н.И. Алпатов. – М., Учпедгиз, 1958. – 244 с.
2. Вельяшев Н.А. Воспоминания о бывшем 1-м кадетском корпусе. 1857–1863 гг. / Н.А. Вельяшев // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 25.
3. Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, услышанного и испытанного в жизни. – Ч. 1 [Текст]. – СПб., 1846. – 334 с.
4. Высочайше утвержденное общее положение для военно-учебных заведений второго класса // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. V. – Отд. 1-е. – 3615.
5. Высочайше утвержденные Правила для определения малолетних дворян в кадетские корпуса [Текст] // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XX. – Отд. 1-е. – 18578.
6. Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700–1856 гг.). Изд. 2-е [Текст] / П.А. Галенковский. – СПб., 1904. – 122 с.
7. Глебов П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные Е.И.В. Главному их начальнику в царствование императрицы Екатерины II [Текст] / П.Н. Глебов // Отечественные записки. – 1845. – Т. 42. – № 10. – С. 60–78.
8. Глебов П.Н. Материал для истории русских военно-учебных заведений: военно-учебные заведения в царствование императора Павла I [Текст] / П.Н. Глебов // Отечественные записки. – 1839. – Т. 4. – № 7. – С. 65–74.
9. Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской Империи: В 2 т. / Фонд содействия кадетским корпусам им. А. Йордана. – Т. 1 [Текст] / В.А. Гурковский. – М.: Белый Берег, 2005. – 263 с.
10. Данченко В.Г. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты [Текст] / В.Г. Данченко, Г.В. Калашников. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 463 с.
11. Жервэ Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х тт. – Т.1 [Текст] / Н.П. Жервэ, В.Н. Строев. – СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912. – 464 с.
12. Жиркевич И.С. Записки (1789–1808) [Текст] / И.С. Жиркевич // Русская старина. – 1874. – № 2. – С. 207–244.
13. История России в XIX веке. Дореформенная Россия [Текст]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. – 589 с.
14. Конduitные списки кадет 1 кадетского корпуса. 1833 г. // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 348.
15. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. – Ч. I, II (1700–1881) [Текст] / М.С. Лалаев. – СПб., 1880. – 283 с.
16. Ливрон К.Ф. Отрывочные воспоминания старого моряка [Текст] / К.Ф. Ливрон // Морской сборник. – 1890. – № 5. – С. 51–63.
17. Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). – Т. II. – Ч. 3 [Текст] / Н.Н. Мельницкий. – СПб., 1857. 222 с.

18. О выпуске кадет из корпуса офицерами, классными и нижними чинами. 1841 г. // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5535.
19. О выпуске кадет офицерами, классными и нижними чинами и о проч. 1846–1847 гг. // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5798.
20. О выпуске на службу детей крымско-татарских мурз и детей горцев, воспитываемых в кадетских корпусах // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XI. – Отд. 1-е. – 9130.
21. О летах для зачисления молодых дворян кандидатами в кадетские корпуса [Текст] / ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XI. – Отд. 1-е. – 9020.
22. О незачислении кандидатами в кадетские корпуса детей лиц, происходящих не из дворян [Текст] // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VIII. – Отд. 1-е. – 5982.
23. О переводе в батальоны военных кантонистов воспитанников военно-учебных заведений за дурные качества и предосудительные поступки [Текст] // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XI. – 9796.
24. Об выпуске из корпуса кадет в армию в офицеры и о пожаловании на обмундирование денег, тут же и формулярные списки. 1802 г. // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4086.
25. Ореус И.И. Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845–1849 гг. [Текст] / И.И. Ореус // Русская старина. – 1884. – № 1. – С. 203–216.
26. Отцы-командиры. (Из воспоминаний о...кадетском корпусе) [Текст] // Разведчик. – 1897. – № 371. – С. 1037–1039; № 372. – С. 1060–1062; № 373. – С. 1086–1087; № 374. – С. 1118–1120; № 375. – С. 1149–1150.
27. Первый кадетский корпус в 1813–1825. Воспоминания бывшего воспитанника. К. Зенденгорст [Текст] // Русская старина. – 1879. – № 2. – С. 305–316.
28. Петров А.Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798–1898. [Текст] / А.Н. Петров. – СПб., 1898. – 760 с.
29. Предписания и указы Александра I по вопросам воспитания и образования в кадетских корпусах за 1819–1825 гг. // РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 1.
30. Сведения об обучении в военно-учебных заведениях воспитанников недворянского происхождения с указанием причин нахождения их там. 1827 г. // РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 61.
31. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского. – Т. 1. Детство и юность (1827–1855). [Текст] / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – Пг., 1917. – 322 с.
32. Формулярный список гимназистов, выпущенных из 1-го кадетского корпуса. 14 октября 1806 г. // РГАЛИ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 311.
33. Формулярный список произведенным из кадет 1-го кадетского корпуса в армейские кавалерийские полки. 1827 г. // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1609.
34. Шевелев А.Н. Система мужского дворянского воспитания в России XVIII–XIX веков в педагогике кадетских корпусов [Текст] / А.Н. Шевелев // История педагогики сегодня. – СПб., 1998. – С. 95–120.

A. N. GREBENKIN

**SOCIOCULTURAL PORTRAY OF PUPILS OF MILITARY SCHOOLS OF RUSSIAN EMPIRE
IN THE 1ST HALF OF THE XIX CENTURY**

This article gives an attempt to show the generalized sociocultural portrait of the pupils of military schools of Russian Empire in the 1st half of the XIX cent. The author characterizes the social, age and national structure of the pupils. The conclusion made in this article is that sociocultural appearance of the pupils was rather stable during the 1st half of the XIX cent.

***Key words:* pupil, sociocultural appearance, military school.**